

Посиделки в «Вечерке»

Воскресенье, 1996 - 29.09.96 - 07

АРТИСТ, держущий ухо востро

Примерно так Юозас Будрайтис в дружеской беседе с коллективом нашей газеты шутливо обозначил свое новое положение — дипломата

— Юозас, хоть вы и стали заправским дипломатом, для нас Будрайтис — прежде всего актер, творческая личность. В конце шестидесятых годов вы, а вместе с вами Адомайтис, Банионис, Бабкаускас, Масюлис буквально ворвались в кинематограф, с налету поразив и обаяв многомиллионную аудиторию. С тех пор слава о литовских артистах идет по российской земле...

— Спасибо на добром слове. Но если говорить о сегодняшней должности, она, я бы сказал, в моей биографии не совсем случайна. Когда, отслужив в армии, я поступил в Вильнюсский университет, то совсем не помышлял об актерской карьере. Я хотел стать дипломатом. Или юристом. Но появился Витаутас Жалакявичюс. Со своим фильмом «Никто не хотел умирать» он вихрем врвался в мою судьбу. Именно вихрем — другое слово вряд ли подходило к его темпераменту, его молниеносной манере мыслить законченными образами. Этот человек сумел так заинтересовать, так поработить меня, что дипломатическая перспектива вместе с юридической как-то сами собой растаяла. После первой роли сразу же поступило предложение от Владимира Басова сняться в картине «Щит и меч». И тут я понял окончательно: судьба сделала крутой поворот.

Еще один раз Жалакявичюсу было суждено сыграть в моей жизни «судьбоносную» роль. Когда он предложил мне поступить на высшие режиссерские курсы при Госкино: «Я за тобой наблюдаю. Ты уже созрел, пора из актеров в режиссеры».

К сожалению, режиссерские планы мне так и не пришлось реализовать. Для учебной работы на курсах я выбрал экранизацию рассказа Бунина «Роман горбуна». Фильм получился настолько хорошим, что это, почему-то плохо сказало на педагогах. Чтобы другим неповадно было, они «из педагогических соображений» снизили мне оценку. Для молодого режиссера это был удар по самолюбию.

Потом, уже после окончания курсов, я начал снимать кино по Юрию Олеше. Есть у него такой рассказ «Любовь». Герои, двое влюбленных, пытаются... лететь. Я это представлял себе, как бегство из замкнутого пространства, закрытого проволокой, сеткой, какими-то ограждениями. Молодые люди сооружают многоцветный воздушный шар, но он не может подняться вверх — мешают установленные правила. Мое понимание будущего фильма не совпало с так называемой «общей линией» в искусстве. Что бы перенять, нужны были дополнительные деньги, их не давали. Потом умер Брежнев, пошли события за событиями, всем было уже не до моей картины. Так я и не смог закончить эту работу.

— Юозас, наверное, не все ваши московские поклонники и поклонники знают о том, что вы несколько лет с огромным успехом играли на театральной сцене в Каунасе. Расскажите, пожалуйста, об этом.

— Как раз в момент, когда я предавался мрачным размышлениям по поводу режиссерских неудач, Ионас Вайткус, возглавивший Каунасский драматический театр, предложил поработать у него. Мне предстояло, ни больше, ни меньше, сыграть главную роль в «Строителе Сольнесе» Ибсена. Можете представить мое состояние. Да, решиться на такое было тяжело. В кино объектив камеры фиксирует мельчайшие перепады настроения, находят выгодные ракурсы... Можно не быть профессиональным актером и весьма успешно сниматься. В театре надо весь процесс выдержать от начала до конца и убедить зрителя, заставить его поверить артисту. Я попробовал — вышло. И если в кино обычно выступаю в амплу сдержанного молчуна, не проявляя мощного темперамента, то тут было все наоборот. Я мог показать, что я живой человек, что я могу все.

После Ибсена играл народную драму «Шарунас» — литовский вариант «Ричарда III». Но, пожалуй, самой знаменитой стала роль Ленина в пьесе Шатрова «Синие кони на красной траве». Представьте себе парадокс: самый националистически настроенный город Каунас и — огромный успех публицистического спектакля. Аншлаги на всех представлениях, коллеги приходили за кулисы, поздравляли меня со слезами на глазах.

— Наверное, ваш Ленин был какой-то особенный, хороший?

— Вообще-то самого Ленина в спектакле как бы и не было. Была идея. Человека, который создал нечто такое, что его самого потом погубило. В спектакле сильно акцентировался момент его болезни, его тягостных мыслей: а что же дальше, как новые поколения воспримут то, что мы сделали... Я на сцене был один и вел диалог со зрителями, среди которых были наши актеры. Грима никакого не было.

Ассоциация с вождем возникала лишь два раза по ходу пьесы, когда я вставал в позу памятника — с устремленной вдаль рукой. Предварительно меня привинчивали к сцене — это позволяло вставать под таким углом к зрительному залу, что казалась: памятник вот-вот упадет. Спектакль кончался на печальной, трагической ноте.

У Вайткуса я работал еще «Калигулу» Камо, потом был «Ричард II» — эта пьеса редко ставилась. И «Плаха» Айтматова — тоже очень удачная постановка. После этого я ушел.

— Сейчас вы играете Соленого в чеховских «Трех сестрах», поставленных Эймонтасом Некрошюсом, пожалуй, самым знаменитым из нынешних литовских режиссеров. Работа в посольстве не мешает этому?

— Премьера «Трех сестер» была год назад. С тех пор путешествуем по всему миру. Спектакль получился как бы «на экспорт», в Литве его редко показывают. В начале лета гастролировали по Европе. В апреле и мае были в Колумбии, участвовали в столь грандиозном и богатом фестивале искусств, что у актеров даже порой закрадывалась мысль: а не организован ли он на деньги Медельинского наркокартеля? Я, конечно, шучу. Видимо, тут свою лепту внес мэр Боготы.

— Он, кажется, по происхождению литовец?

— Да, и к тому же — весьма популярная в Колумбии личность. Борется с коррупцией, насколько это возможно. В Боготе его знают и стар, и млад, называют не по фамилии, а по имени. А в этой стране есть такая примета: если избран мэр Боготы, значит, следующие шаги — в президентство...

— Хотелось бы и в Москве последовать вашим «Трех сестрам»...

— Весной на Чеховском фестивале играли. Отзывы российских критиков были неоднозначными: от восторженных до резко негативных. Лично мне спектакль нравится. Мне кажется, что Чехов как драматург настолько многогранен, многослоен, что тут могут быть самые разные трактовки, в том числе и неожиданные, не привычные для любителей «традиционного» театра.

— Что сейчас делается в литовском кино?

— Как творческий процесс оно еле дышит. Наши крупные актеры оказались как бы в стороне. Вся надежда — на российский кинорынок, потому что Литва вряд ли будет иметь большой кинематограф. По крайней мере, в ближайшие десять лет. Государство может субсидировать в год один-два фильма, не более. Молодежь, которая как-то быстро приспособилась к жизни, пытается снимать. Ребята шустрей, они лезут всем в глаза, придумывают какие-то ходы, чтобы добыть денег на фильм. А мастера более ранних поколений, видимо, уже приспособиться не могут, они стесняются просить и ждут помощи от государства. В результате остаются без работы.

Тем не менее, новые имена в кино все же появляются. Вот Шарунас Бартас. На последнем Каннском фестивале была показана его картина, совместное производство Франции, Португалии и Литвы.

Осенью хочу привезти в Москву литовские фильмы, устроить показ в киноцентре на Красной Пресне. Или весной — в зависимости от скорости получения денег из министерства культуры. Интересно, как мне кажется, сегодняшнее документальное кино. Оно требует меньше затрат, поэтому его больше и снимают.

— Российские фильмы идут в литовских кинотеатрах?

— В прошлом году, будучи председателем Союза театральных деятелей Литвы, я организовал фонд поддержки театра и кино. Благодаря ему провели в Вильнюсе неделю «Живое русское кино». Показали фильмы десять — «Мусульманин», «Особенности национальной охоты»... Прошли они с огромным успехом. Видимо, в этом году повторим русскую неделю. Приезжал в Литву и Никита Михалков со своей тогда только что снятой картиной «Утомленные солнцем». Честно говоря, был легкий мандраж — а вдруг зрители не придут. Кинотеатр большой, на 1000 мест... Вдова Михалкова в зал, а там настоящая столпотворение. Люди прорвали кордоны, все проходы заняты. «Ну вот, — говорю Никите, — а ты говорил, что в Литве русских не любят». Встречи с российскими мастерами кино и театра у нас не редкость. А вот литовских в Москве почти не видно. Хотелось бы это как-то выровнять.

Гостя ждали с нескрываемым любопытством.

Кинеманы, а таковых в «Вечерней Москве» оказалось немало, вспоминали его знаменитые роли: Ионаса в «Никто не хотел умирать», Дитриха в «Щите и мече», Горна в «Колонии Ланфиер», Фелисио в «Это сладкое слово свобода», Трелона в «Легенде о Тиле», короля французского и мужа Корделии в «Короле Лире», Федора в «С тобой и без тебя»... Эпитеты выстраивались один за другим в ряд, и вырисовывался некий образ сдержанного, мужественного, настоящего, сурового, молчаливого и загадочного героя. Каков же он на самом деле? Что привнесло в его характер время и жизненный опыт, политические события последних лет и полугодовой стаж в должности советника по культуре посла Литовской Республики в Москве?

Прочитав отчет о встрече Юозаса Будрайтиса с сотрудниками «Вечерней Москвы», читатель, возможно, получит ответы на эти и другие, менее возвышенные и более прозаические вопросы.

— Как вы относитесь к своей новой роли — чиновника?

— Чиновник, бюрократ тоже нужен: он знает, куда нужно поставить печать, как бумаги подшивать. Без него государство не сможет функционировать.

— Вы уже стали бюрократом?

— Надеюсь, что нет, но рутина затягивает. В первый день, вступив в должность советника, получил бумагу. Долго ее рассматривал и все думал, как в ход пустить. Позвонил по нужному телефону и выслал по назначению. Сажу, руки потираю. А тут приходит другая бумага, а за ней — третья. Со второй я так же, как с первой, мгновенно расправился, а вот третья... Телефон, указанный в ней, все не отвечает. Бумага вскоре стало три, четыре, пять... Когда накопилось столько, что уже на столе не умещались, я их отправил в ящик. И стал в этот момент самым настоящим бюрократом.

— У многих из нас сведения о Литве десятилетней давности. В свое время москвичи часто ездили в Палангу, Друскининкай, Биштонас по путевкам, порой просто на выходные на поезде отправлялись в Вильнюс, чтобы побродить по улочкам, музеям, встретиться с друзьями. Сейчас это кажется невозможным. А так иногда тянет...

— Действительно, в последние годы мы отдалились друг от друга. Литовские политики, на мой взгляд, совершили крупную ошибку, решив после объявления независимости ориентироваться только на Запад. А от России отвернулись: мол, она нам не интересна. Я как театральный деятель не раз высказывался, что мы не должны забывать о сложившихся добрых отношениях на Востоке. Было время, когда за такие разговоры причисляли к красным. Иногда и камень здоровый залетал в окно... Жизнь показала, что все же я был прав. Сейчас многие вспомнили, что рядом есть сосед — богатый, интересный, с великой культурой. И поняли — не замечать его просто глупо.

Ныне политика Литвы стала более гибкой — соблюдаются интересы и на Западе, и на Востоке. Теперь сложностей для передвижения из Литвы в Россию и обратно почти нет. Платите 20 долларов за простую визу, 35 за срочную и пожайлуйте в страну. Единственный обременительный момент — необходимость визова, заверенного миграционной службой. Но скоро появятся льготы для людей, желающих отдохнуть в санаториях и домах отдыха. Курортные учреждения будут сами оформлять визов. Он будет действителен для въезда в Литву.

Нида, Паланга, Друскининкай, некогда процветавшие благодаря притоку отдыхающих, в том числе и из России, теперь спохватились и начали восстанавливать разорванные связи.

Пусть не пугает желающих поехать в Литву большая очередь перед нашим консульским отделом. Она идет очень быстро — в день сотрудники делают 300, а то и 400 виз.

Что же касается представителей культуры, то их я беру на себя. Окажу всяческую поддержку. Я заинтересован, чтобы отношения между двумя странами поскорее наладились. Пусть общаются между собой людьми науки, искусства, просвещения, бизнеса. Например, кардиологи. В Литве кардиология на очень высоком уровне. Из Петербурга ездят к нам врачи на консультации, на семинары по кардиологии, микрохирургии. Почему не организовать встречу кардиологов Литвы и России?

Осенью, в октябре, собираемся открыть в Москве Дом Балтрушайтиса. Знаменитый поэт, писавший на русском языке, жил в Москве на Поварской, недалеко от нашего посольства. Юргис Балтрушайтис был, кстати, послом Литвы в России.

На вечер памяти поэта будут присутствовать известные литературоведы из Литвы Дауэйтис и Тапинас. Наверное, пригласим струнный вильнюсский квартет. Может, Алла Демидова согласится поучаствовать. Она, насколько я знаю, очень интересуются поэзией Серебряного века.

Думаю, со временем Дом Балтрушайтиса станет местом встреч людей науки, искусства, литературы.

— Где людям трудней живется, в России или Литве?

— Мне кажется, и там, и там одинаково трудно. Ну, может быть, в Литве чуть легче. Хотя бы потому, что все там дешевле по сравнению с Москвой в два-три раза. Продукты питания, в основном, собственного производства, и между производителями довольно сильная конкуренция. Бывшие колхозы открыли заводики по переработке сельхозпродукции и соревнуются — улучшают качество, упаковку придумывают по красивее. Заработная плата у жителей Литвы понемногу повышается.

В июле инфляция составляла 0,1 процента. Цены выросли на отопление и сервис, а продукты питания, напротив, даже подешевели. Потому что ими рынок перенасыщен, скоро куда будет девать масло, молоко, мясо, колбасы...

Вполне могла бы Литва торговать с Россией, но мешают искусственно придуманные препятствия: высокие таможенные пошлины и т. п. Видимо, такова политика, Россия пытается стимулировать собственное производство.

— Надеемся, что политикам и экономистам хватит ума договориться. Лучше добротные и натуральные литовские продукты, чем сомнительные датские или бельгийские.

— Было время, Литва кормила весь Ленинград. Можно и сейчас наладить на взаимовыгодных условиях поставку мяса-колбас изделий в этот город.

— Каково отношение к русскому языку в школах Литвы, вузах?

— В Литве очень много русских школ. Дети учатся на родном языке, а литовский изучают в качестве обязательного предмета. Никаких препятствий к тому, чтобы говорить по-русски или учить русский язык, в Литве нет. Те, кто заинтересован освоить литовский, начинают говорить и писать на нем очень быстро. У нас такое правило: если человек идет в сферу обслуживания, где нужно общаться с посетителями, знание государственного языка необходимо. А от чернорабочего никто этого требовать, естественно, не станет.

У нас с самого начала не было проблем с гражданством иноязычных. Все, кто на момент принятия соответствующего закона имел постоянную прописку и место работы, при изъявлении желания становились полноправными гражданами республики. Ценз вводится лишь для вновь прибывающих — устанавливается срок, в течение которого надо выучить литовский язык.

— Из эмиграции много литовцев сейчас на родину возвращается?

— Молодые — практически нет. Возвращаются, в основном, пожилые. Чаще всего люди искусства — им для творчества нужен родной воздух. В мире, в разных странах — США, Германии, Аргентине, ЮАР и других, — проживает примерно миллион литовцев. Разве прикажешь каждому из них, что делать и чего не делать? Тем более что они чаще всего живут в лучших условиях, чем те, что их ожидают на исторической родине.

Недавно вильнюсская интеллигенция, академическая молодежь встречали Томаса Венцлову, поэта и литературоведа, ныне преподавателя славистики Йельского университета. Устроили вечер памяти Бродского, с которым еще с давних, ленинградских лет дружил Томас. Приехали на встречу и нобелевский лауреат Чеслав Милош и Евгений Рейн.

— Юозас, скажите, кого в вас сейчас все-таки больше — актера или дипломата?

— Конечно, я остаюсь артистом. У творческого человека больше внутренней свободы. Но я уже не могу безответственно говорить все что угодно, я должен проводить политическую линию своего государства. Поэтому, оставаясь артистом, дипломатическую линию держу востро!

P.S. От имени всей «Вечерки» заместитель редактора Юрий Жарин на прощание подарил Юозасу Будрайтису нашу фирменную водлазку. А гость презентовав нам большой справочник «Литва». И заверил, что теперь будет регулярно читать «Вечернюю Москву».

Фото Дмитрия АСТАХОВА